

Дмитрий Партаковский

Уроборос

Дмитрий Тартаковский

Уроборос

«Издательские решения»

Тартаковский Д.

Уроборос / Д. Тартаковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504524-9

Сборник рассказов самого разного жанра — от фантастики до любовной лирики. Всё и понемногу, и немного сказки, ведь без неё трудно жить.

ISBN 978-5-00-504524-9

© Тартаковский Д.
© Издательские решения

Содержание

Уроборос	6
Под куполом	10
(В порядке автобиографического очерка)	10
Рабочие окраины маленького города	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Уроборос

Дмитрий Тартаковский

© Дмитрий Тартаковский, 2019

ISBN 978-5-0050-4524-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уроборос

Вопросы истинной веры

Я остался сам.

Лишь в углу кельи горела последняя свеча, да лежали раскрытые книги Старых.

Работы было много. Отец настоятель приказал закончить иллюстрации до утра, ведь скоро прибудет нунций из Рима, и тогда...

А непонятно, что тогда. Две тысячи девяносто восьмой год от Рождества Христова я, как и остальные монахи нашего монастыря, и жители соседнего посёлка, встречаем в темноте, которую освещает лишь наша искренняя вера.

Пятьдесят лет назад Господь покарал нас за гордыню. Величественные города зарастают бурьяном, а наши люди голодают и живут лишь тем, что выращивают на своих скудных полях. Всё, что был у наших отцов – вкусная еда, комфорт, теплые дома – осталось лишь на страницах книг, которые мы тщательно копируем.

Безусловно, я горжусь своей миссией – как и все послушники нашего монастыря.

Вот только временами... временами я сомневаюсь в её ценности. И не только я – мои братья во Христе тоже спорят.

Тихо, во время утренней трапезы или общей молитвы, мы обмениваемся недоумёнными вопросами – так, чтобы не слышал отец настоятель.

Наша вера подвергается испытаниям каждый день. И сейчас, когда я старательно переписываю книгу о «самолетах», в моей душе кипят страсти.

В чём смысл труда моего? Лишь в том, чтобы скрупулезно переписать эти слова, смысл которых я и сам не понимаю? Или же в том, чтобы в точности перерисовать непонятные схемы и рисунки?

Свеча разгорается всё ярче и ярче – как и моё сомнение.

И ведь мне не с кем поделиться – сестра вышла замуж и больше не приходит ко мне, родители уже давно не посещают нашу обитель. У них много забот: урожай, скотина, защита от мародеров – и нет времени на долгие прогулки.

Я горжусь своей миссией. Горжусь тем, что сделал. Но я не слеп, и глаза мои не залиты елеем...

Луна заглядывает в окно кельи. Работа не идет, и все мои попытки сосредоточиться приводят лишь к испорченным листам и пролитым чернилам. За окном, далеко-далеко за хвойным лесом, видны руины старого города. Величественные, мрачные, чёрные. Пустые.

Наш мир пал. Без энергии, без транспорта, без связи мегаполисы превратились в ловушку. Оставшиеся в живых после Великого Сожжения покинули города, прихватив с собой остатки знаний – великих знаний, которые мы обязаны сохранить. Но ради чего? «Великая миссия» – лишь слова, а вокруг нашего монастыря лежат вымирающие поселки, чьи жители собирают небольшой урожай. Голод, холод. Отчаяние.

Задув свечу, я отправился к отцу Грегору. Он укрепит, он поможет, поймет...

Я беру книгу под мышку, и тихо крадусь по пустым коридорам. Братья спят, и незачем их будить – тем более, что визит мой к отцу настоятелю носит строго конфиденциальный характер.

Спустившись во двор, останавливаюсь перед главным распятием, висящим на стене – большим, в два человеческих роста. Спаситель взирает на меня сверху, неподкупно и мрачно, и я вспоминаю книгу Экклезиаста:

«И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

– И прости нам грехи наши, как и мы прощаем должникам нашим... – я перекрестился и отправился дальше.

Келья отца Грегора расположена у самого выхода из монастыря. В окошке горит свет – настоятель не спит.

Осторожно стучу в дверь.

– Да, войдите.

Я вдохнул, выдохнул, и резко вошёл в келью, закрыв за собой дверь.

Отец Грегор сидел за вмурованным в стену столом. Обстановка в его келье стала еще более бедной, чем в мой последний визит – несколько книг, кувшин с ореховой настойкой, и свеча. Из окон кельи виден внутренний двор монастыря, весь заваленный мешками и ящиками.

– О, брат Хиллиас – настоятель внимательно смотрит на меня – Что привело вас ко мне в столь позднее время?

Я молча положил на стол книгу.

– И? – отец настоятель лениво перелистывает страницы – Прекрасная книга, с хорошими иллюстрациями. Если вы закончите её переписывание, брат Хиллиас, то...

– Зачем? Зачем мы, из года в год, переписываем эти книги, копируем эти чертежи, зачем мы тратим свои самые ценные годы жизни на это? – не выдержал я – Во имя чего? Наш труд не несёт облегчения крестьянам и ремесленникам – они по-прежнему трудятся в поте лица своего старыми инструментами! У нас в подвалах тысячи книг, посвященных медицине – а люди умирают тысячами от чумы и холеры! И что толку в этих знаниях, что мёртвым грузом лежат в наших библиотеках?!

– Ах, кризис веры, – задумчиво протянул отец Грегор – Это достаточно часто встречается у нас.

– И всё? – спросил я.

– Нет, почему же. Вы не первый, брат Хиллиас, и, увы, не последний. Садитесь, – настоятель указал на лавочку – Нам предстоит предметный разговор.

Я сел рядом с ним.

– Итак, вы сомневаетесь в правильности дела, выбранного святой Церковью, потому что не видите результатов нашей работы на данный момент?

– Именно так, отец настоятель.

– Что же, это справедливо и разумно. Я в ваши годы размышлял так же. Но давайте размышлять как христиане, брат Хиллиас.

– Давайте, – я немного не понимаю тона настоятеля, но кажется, что у него в глазах прыгают весёлые огоньки.

– Наш труд, конечно, весьма странен для человека практического склада ума. Например, какой сейчас толк в так называемых «мобильных телефонах» и «планшетах»?

– Никакого, – ответил я – Совсем никакого.

– Верно. Но это сейчас, сын мой. Сейчас. А спустя века эти знания, попав в нужные руки, послужат делу возрождения.

– А будет ли оно, это возрождение? – мне стало горько – Такими темпами, возродить цивилизацию будет некому – все вымрут от голода и болезней.

– Нет, сын мой – душевно ответил настоятель – Ты не хуже других знаешь, что мы не только копировщики и переписчики, но и лекари, учителя, строители. Да, нас мало, и наш труд пока не заметен – но и Рим был построен не за один день.

– Да, это так. Но почему же тогда мы храним в тайне важные открытия и разработки – в земледелии, металлургии, технике? То, что уже сейчас может послужить делу процветания и возрождения?

– А кому мы можем передать эти секреты? – тонко улыбнулся настоятель – Феодалам, злым и алчным, которые готовы убивать друг друга за кусок чужой земли? Или тёмным крестьянам, которые ничего не поймут?

Он открыл книгу, лежавшую на краю стола.

– Пятьдесят лет назад знания уже попали не в те руки. Наши родители ещё жили в прекрасном мире – с первыми летающими машинами, колониями на Луне, роботизированными заводами, они жили до девяносто-ста лет, пребывая в здравом уме. Но лидеры тогдашних государств не смогли договориться, и мир рухнул в пропасть, – наставник мой медленно перелистывал книгу – Нам понадобилось не так уже и много. Уничтожение нескольких энергостанций, мощный компьютерный вирус, парочка локальных конфликтов – и вот, бывшее величие обратилось в прах. И оказалось, что кроме нескольких сотен тысяч человек все остальные в нашем мире не нужны. Эпоха цифрового идиотизма превратила людей в бесполезные овощи, потушив искру Божью, и без электронного планшета в руке человек становился тупым, словно пробка. Такова оказалась цена стремительного прогресса.

Я внимательно слушал отца Грегора, хотя читал об этом сам тысячи раз.

– Поэтому, христианская церковь и хранит сегодня эти знания у себя. Если сейчас мы отдадим эти знания людям, случится более страшная катастрофа, чем Великий Пожар. Только представь, сын мой, – настоятель встал и принялся расхаживать по келье – что секрет пороха попадет в руки соседнего феодала, барона Страйхена? Что тогда начнется?

– Он станет королем, – я с трудом выдавливаю из себя слова – Он завоюет и подчинит себе окружающих феодалов, и тогда...

– Останется варваром. Но сильным варваром, у которого в руках будет мощное оружие, способное уносить тысячи жизней.

– Это будет началом конца.

– Именно так, – довольным тоном заметил настоятель – Началом конца остатков цивилизации. Города, слабые и полуразрушенные, станут добычей феодалов и вооруженных банд, и виноваты в этом будем мы – Святая Церковь – которая не сохранила эти знания в тайне.

– Но почему мы не создадим свою вооруженную силу, которая уничтожит феодалов и бандитов, царящих в нашем крае?

– И раскроем себя? Покажем свой истинный потенциал, чтобы все они – алчные, злые, охочие до золота – потом боялись нас, и готовили в тайне наше уничтожение?

– Они в любом случае узнают о нашей силе, и о наших возможностях, – ответил я – Рано или поздно.

– Лучше поздно, – в тон мне ответил настоятель – И тогда мы успеем закончить свой труд. Города окрепнут, феодалы ослабнут, и человечество начнет новый путь.

– А начнет ли? Если Господь наказал нас один раз за гордыню, то что помешает ему наказывать во второй раз?

– Мы помешаем. Святая Церковь не выпустит теперь науку из своих рук. Мы будем стоять за спинами книжников и учёных, предостерегая их, и каждое новое изобретение будет опробовано лишь после тщательных исследований. Шаг вперёд – и десять шагов назад.

– И куда мы придём, отец настоятель? К новой инквизиции, к кострам, к новым крестьянским войнам?

– Нет, – за окном кельи брезжит рассвет – Мы, в отличие от мирян, выучили уроки истории. Никакой инквизиции, никаких гонений на инакомыслящих, никакой агрессии. Лишь постепенная, разумная, комплексная работа по возрождению нашей цивилизации.

Доводы отца настоятеля кажутся мне убедительными, но остался последний вопрос.

– А что... потом? Когда закончится время нашей миссии?

– Господь направит нас. Всё в воле его.

Я забираю книгу и иду к выходу.

– Спасибо вам, отец настоятель. Я продолжу работу

– Аминь, – отец Грегор закрывает за мною дверь.

Вернувшись в келью, я достаю новые свитки, чернила, и приступаю к работе. У меня впереди ещё тысячи книг и карт.

Но почему в моих ушах звучит голос Иоанна Богослова?

«...Труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашёл, что они лжецы; ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал...»

Под куполом

(В порядке автобиографического очерка)

Лучшее место в цирке для меня – это самое верхнее, можно сказать, «под куполом», откуда видно и арену, и остальных зрителей, сидящих внизу.

Само представление, кроме чудес акробатов и дрессировщиков, меня интересует мало. Намного интереснее люди вокруг, которые по-детски увлечены ареной. Вот, на два ряда ниже меня сидит колоритная пара, мужчина и женщина средних лет, мрачные, постоянно спорящие друг с другом. Мужчина из породы типичной, самой распространенной: брюшко, лысина, легкая отечность лица, развившаяся на фоне злоупотребления алкоголем. Его спутница столь же «типична», располневшая брюнетка из категории бывших «сердцеедок», постаревшая и порядком истеричная, которая готова попрекать деньгами, потраченными на билет при всех, нисколько не смущаясь громкости своего голоса.

Так они и сидели до начала представления, переругиваясь на весь цирк. Но вот прозвучал звонок – и куда делась злость, куда делось раздражение? Два восторженных ребёнка взяли за руки, и буквально обратились в зрение и слуха, радостно хохоча над ужимками клоунов.

Мне не интересны клоуны. Я жду того момента, когда на скользкой и накренившейся трапеции под купол цирка поднимется тоненькая гимнастка. В который раз, дрожа от напряжения, эта девочка – а смелее её вряд ли наберется хотя бы пара человек из зала – будет совершать головокружительные кульбиты, вызывая бурные аплодисменты. Каждый прыжок точный, каждое сальто потрясающее, а зал внизу буквально вне себя от восхищения – и никто не помнит о предшественнице этой отважной девушки.

Один я, как верный пёс, из года в год прихожу в этот цирк, и сажусь на свое старое место, и внимательно слушаю избитые шутки от клоунов. Программу я за долгие годы вызубрил наизусть – и теперь просто терпеливо ожидаю момента, скрашивая одиночество печальными размышлениями.

С той, которая поднималась на трапеции, мы познакомились совсем в другом месте. Старая гимназия на окраине нашего городка, куда меня отправили на «вербовку кадров», доживала последние дни. Без ремонта, спонсоров, и средств на существование это учебное заведение было обречено, и я, в числе иных «представителей» многочисленных колледжей явился сюда, чтобы снять пенки в лице наиболее талантливых и непрактичных учеников.

– А у вас есть цирковая студия? – спросила у меня после «спича» невысокая голубоглазая девочка с русыми волосами – Если да, то я иду к вам

Цирковой студии у нас не было, но я обещал, и обещал, и обещал, пока не заврался до потери нити разговора. Голубоглазое создание громко рассмеялось и взяло буклетик с описанием достоинств моего колледжа.

– А у вас все такие красноречивые? – спросила она – Или вы один такой уникальный?

– Можем перейти на «ты», – предложил я – И да, красноречивый, боюсь, только я. Кстати, меня зовут Игорь

– Настя, – голубоглазое создание протянуло руку, нежную и тонкую – Пожалуй, я перейду в ваш... точнее, твой колледж. Уж больно у вас красивые буклетики.

На том и порешили, а я занялся обработкой иных «кандидатов». Постепенно история забылась, но первого сентября нового учебного года меня окликнули – прямо на линейке, когда я занимал своё мест в шеренге. Я обернулся и увидел её – Анастасию, довольную и улыбающуюся.

– Мне идет? – покрутилась она передо мной, показывая свое белое платье, подчеркивающее стройную фигурку – Только честно!

– Идет, – ответил я, сбитый с ног таким напором – Мне очень и очень нравится

– Спасибо, – улыбнулась Настя – А ты, вижу, старшекурсник?

– Именно так. А мои слова пали на благодатную почву?

– Да, да, и еще раз да! – моя лапа очутилась в её детских ручках – Огромное спасибо за буклет. И за спич

– Это так, необходимость. Я старался и тому подобное

– Не скромничай, – Настя оглянулась – Я пойду, но обещаю еще вернуться, – и тряхнув копной русых волос, исчезла в толпе.

На линейке звучала очередная торжественная чушь, а я думал об утренней встрече. Что-то было в этой девушке, очень необычное и милое.

Директор говорил и говорил, а я размышлял о встрече. Внутри начало странно теплеть, и настроение, не смотря на жару и духоту, поднялось. Рассуждения директора о «грядущих победах» даже слегка рассмешили, и я в течении линейки скромно улыбался, вызывая интерес со стороны одноклассников.

По окончании торжественной части мы отправились по аудиториям на классный час. Я искал взглядом Настю, но тут меня снова похлопали по спине.

– А еще у вас тут учатся очень рассеянные студенты, – заметила довольная Настя – И мне это определенно нравится

– Не ожидал такого подхода, – я смотрел в нагловатые и смеющиеся глаза – Честно говорю, не ожидал

– Ах, прости, я не хотела тебя смутить, – раздался звонкий смех – Ты идешь на классный час?

– Да

– Какая жалость! Кто же мне устроит экскурсию по колледжу, – делано обиделась Настенька – Ну ладно, разберусь сама

– Я помогу... обязательно. Но позже, у нас тут всё теперь серьёзно, ведь последний курс, – стало неловко, будто бы речь шла о чём-то секретном – Нам так много надо услышать от своего куратора

Глаза, бездонные, как небо, продолжали смеяться. Сложилась достаточно идиотская ситуация: я стоял и молчал, а она смеялась. Я мучительно краснел, пытаюсь найти объяснения смеха в своей внешности, поправлял прическу, а Настя все смеялась.

– Хорошо, иди на свой классный час, – милостиво отпустила меня голубоглазая принцесса – Но я буду ждать тебя у главного входа в конце дня

Так и получилось – стоило мне выйти за ворота, как тут же нежные лапки властно утянули меня назад и мне пришлось волей-неволей вести Анастасию по всем нашим корпусам, объясняя, где и какие аудитории расположены.

С того момента и началась наша специфическая дружба... Или любовь? Честно говоря, я и сам не мог понять, что за чувства нас связали, но то, что связали крепко – сомнений не вызвало.

Началась другая жизнь, непривычная для меня. С утра будили телефонным звонком (не проспал ли?), после пар тянули за руку в кафе, в наш местный театр, по всем музеям и выставкам. Дальше пошло больше, меня тянули в гости, в самые разные компании, и я с удивлением вдруг увидел, что Настя популярна в самых разных кругах.

Одни восхваляли мою подругу как прекрасную гимнастку, другие – как поэтессу и талантливого музыканта. И только дома никто Настю не хвалил, а мой первый и единственный визит закончился громадным скандалом, после которого я долго утешал свою подругу.

Время летело быстро. Последний курс был насыщен событиями – там курсовые, там практика, а потом снова зачёты и практика. Но даже в таком состоянии я находил время для прогулок и посиделок в кафе (хотя это сильно сказывалось на моем финансовом состоянии).

И тут Настю пригласили в цирк. Мне об этом было объявлено за очередной чашкой фруктового чая, в уютном кафе в центре.

– Пригласили в качестве кого? – слегка опешил я.

– На данный момент – ученицы в местную цирковую студию, – довольно ответила Настя –

А дальше будет видно

– И ты готова?

– Разумеется! Я всю жизнь об этом мечтала, – Настя буквально светилась от счастья – Я смогу усовершенствовать свои навыки, и потом стану акробатом

– Но главное – в цирке, так?

– Именно так, ты правильно всё понял. И я рада, безумно рада, – чай выплеснулся из стаканчика – А ты?

– Я поддерживаю тебя, – уже в тот момент чай с лимоном получил какой-то странный привкус – Во всех твоих начинаниях. И всегда готов тебе помочь.

Меня тут же удостоили нежного, но абсолютно символического поцелуя в щечку.

– Огромное спасибо! Кстати, буду приглашать тебя на свои выступления, и ты должен громко аплодировать, ясно?

Подобная наглость рассмешила меня.

– Вот так? Ну хорошо, я не буду спорить, но будь там осторожнее

– Да что со мной может случиться, а? – спросила Настя – Всё будет хорошо

Но ничего хорошего не получилось. Цирковая студия оказалась не самым приятным для Насти местом – местные «звёзды» не были рады конкурентке, да и программа оказалась в разы сложнее, чем всё, что она проходила до этого. Цирк, это такое милое заведение для детей и весёлых взрослых, имел свою обратную сторону – и мне она не понравилась.

И место дружеских посиделок заняли постоянные жалобы и слёзы. Частенько Настя плакала у меня на плече, рассказывая о трудностях на занятиях и о том, как она устала. Мне, кстати, тоже приходилось несладко – ближе к концу года нагрузки выросли в десятки раз, а времени ужасно не хватало, но по сравнению с Настиными бедами это были сушие пустышки.

– Да брось ты эту студию, – говорил я Насте каждый раз, и каждый раз она поднимала заплаканные глаза, повторяя упрямо одно и то же:

– Никогда.

Так и шло, день за днём, в бешеном темпе. Рывок, рывок, ещё рывок – и в моих руках диплом, мечта и гордость. Прощай, колледж, прощай, старая жизнь! А у Насти впереди было еще три года – три долгих года, которые трудно назвать сладкими.

А наши отношения тем временем приобрели специфический привкус «зоны дружбы». Самый цинизм ситуации состоял в том, что и у меня, и у Насти в личной жизни был полный штиль, прерываемый лишь редкими и не очень удачными увлечениями.

Тем глупее выглядела ситуация, в которой мы оба оказались. Жалуясь друг другу на «плохие половинки», мы в то же время стеснялись озвучить свои настоящие чувства. Так и получился замкнутый круг, в котором мы топтались на одном месте.

Время, в отличие от нас, не стояло на месте. Отец поставил вопрос очень жестко – или я иду работать, или ищу другую квартиру. И я принял решение идти в цех, в горячую пыль, дабы влиться в ряды современного пролетариата.

Работа втянула меня, и с удивлением я обнаружил, что цех – это нечто среднее между каторгой, боевым братством и тонушим «Титаником». Описать всё, что я пережил, невозможно одними лишь словами, тут нужны иллюстрации и мрачное музыкальное сопровождение.

С Настей мы, естественно, стали встречаться реже, но зато намного бурнее. Слезы были гуще, а прикосновения теплее и нежнее, что смущало в разы.

– Ой, – Настя как-то странно посмотрела на меня, отрываясь от моих губ – А что...

Я, не сказав ни слова, вернул её головку в подходящее положение и продолжил целовать. С этого момента всё и навсегда изменилось. От первых поцелуев мы достаточно быстро перешли к более смелым ласкам, а в один прекрасный момент оказались в постели.

Наши вечера стали бурными. Кафе и театры ушли в прошлое, уступив место теплой кровати на старой даче Настиных родителей. Мы предавались похоти регулярно, и клянусь – в моей жизни не было более вкусных и нежных поцелуев, и уже не будет более горячего и чувствительного к малейшим ласкам тела, прекрасно юного в своей невинности.

Эти ночь трудно забыть, но еще труднее забыть рассветы, когда русая буйная голова спокойно лежала на моей груди, а я ласкал уставшие от цирковых трудов плечи.

– Ты наглый и дикий кот, – заметила Настя, покусывая меня за грудь – Как тебя только эта кровать выдерживает?

Я почесал её за левым ушком, затем рука скользнула по шее и спине:

– Так же, как и тебя, дорогая. Кстати, если у тебя еще остались силы кусаться, то у меня плохие новости

– Какие? – подняла своё личико Настя.

– Я плохо стараюсь. Очень плохо, – и я увлек её под одеяло.

Но глупо было бы сводить наше хрупкое счастье к одним постельным моментам. Наше счастье было таким, как и у всех молодых людей: прогулки, долгие вылазки на природу, абсолютно дурацкие шуточки и нелепые моменты. Счастье – одним словом, всё то, что испытывают влюбленные – и желание продлить это всё как можно дальше.

Работа затягивала меня всё глубже и глубже, а Настя поднималась всё выше и выше. Цирковая студия закончилась, и её приняли «почти официально» – как сказала она после очередной бурной ночи. Вот эти слова меня очень насторожили, но последовал взмах нежной руки, и я успокоился.

Так мы и жили в те дни, мало задумываясь о будущем. Первые выступления Насти под куполом сорвали буквально шторм аплодисментов, она быстро стала местной звездой... и начались проблемы.

Статус звезды требует упорной и постоянной работы. Тренировки заняли всё свободное время, я же почувствовал себя брошенным. Скандалы, ссоры, обиды, но до измены не дошло – и не могу сказать, хорошо это или плохо.

На этом моменте читатели готовы увидеть типичную «Санта-Барбару», с дешевыми муками и страданиями. Она любила, а он разлюбил, а потом снова сошлись – до бесконечности, до кровавой рвоты, и обязательно под современную тошнотворную поп-музыку. Но нет, реальность мрачнее и жестче в разы: Настя окончательно ушла в тренировки, а я схватился за стакан, топя горе в вине.

Полугодовой тотальный запой закончился тем, что меня выгнали с работы, а родители выставили из дома. Перебиваясь с хлеба на воду, я нашел другой заработок, более трудный, и обратился к наркологу. В ходе лечебных процедур мне промыли мозг, печень, почки, и вшили «торпеду», выкинув назад в мрачную и беспощадную трезвость.

Настя вернулась – что откровенно удивительно. Но это уже была тень той девушки, с которой я делил ложе и стол, выжатая, измученная, и зацикленная исключительно на своем цирке. Детская мечта сожрала её, сожрала без остатка, и жизнь наша приняла исключительный характер – от выступления до выступления. Появилась со временем своя отдельная квартирка, убогая, однокомнатная, но своя, без удушающей родительской опеки, и появились деньги, пусть и небольшие. Что еще надо для счастья?

Нет, тут я снова разочарую – не было никакого «рокового красавчика», и я не рухнул снова на дно бутылки...

– Bravo!!! – взметнулись аплодисменты под купол цирка. Маленькая ладная девушка спускается на трапеции, вся красная от напряжения, и радостная. Изящный поклон зрителям – и она скрывается за кулисами.

Я покидаю своё место и пробираюсь к выходу. Вахтер, старый и заслуженный Муратович, в своём неизменном зеленом мундирчике. Этот мощный старик впускает людей на свои места со времен Брежнева, и он протягивает свою громадную руку, придав мрачному лицу подобие улыбки.

– Снова?

– Опять, Муратович, опять, – ему не нужно объяснять, в отличие от молодых вахтеров, почему я ухожу раньше конца программы – Так уже сложилось

– Традиции нельзя нарушать, – старик выпускает меня из зала и пожимает на прощание руку.

Я бреду по осенним улицам, подняв воротник пальто. Холодный ветер старается подбодрить меня, в черных окнах застыла желтая луна, а я бреду и бреду по тёмным переулочкам, старательно избегая наши любимые места.

Закончилась наша история на самой высокой ноте. Настя просто устала – физические нагрузки давались труднее и труднее, и на выступлении она сорвалась вниз. На моих глазах. Вот в этом самом цирке, на этой самой арене она лежала, раскинув руки – а зал молчал, и лишь спустя мгновение дико закричала женщина.

Мир застыл в том светлом мае, словно муха в янтаре. Не было ни слёз, ни истерики, а просто стучащая в виски пустота. И похороны, и поминки, и всё остальное прошло на едином выдохе, без осознания происходящего.

Вернувшись в нашу квартиру, пустую и холодную, я медленно собирал вещи. Разум искал виновных, и их было много – Настины родители, которым было плевать на собственную дочь, её «подруги», способные на любую гадость, и я, который без всякой жалости портил любимому человеку нервы. Мы все – а больше всего я – виноваты в том, что произошло. И самое страшно осознание того, что уже не скажешь главных и простых слов, что уже не обнимешь, не поцелуешь...

И прошлого не вернуть. И ничего изменить нельзя. Совсем.

С тех пор жизнь моя закончилась, и началось житие, пустое и бессмысленное. Вы, наверное, ждете эпилога – и желательно, в упаковке красивой сказки о новой любви.

Но хеппи-энда не будет. Не будет и рассказа о новой прекрасной жизни.

Я оказался в замкнутом круге. Работа и дом, дом и работа. И цирк.

Сменив множество рабочих мест, вдоволь поколесив по стране и по Европе, я вернулся домой. Сюда. К ставшему родным цирку.

Меня тянет сюда, словно магнитом, хотя по всей логике мира я должен и порога не переступить. Но каждый раз я терпеливо дожидаюсь лишь одного момента.

Когда на скользкой, накренившейся трапеции, под купол цирка поднимается молодая гимнастка.

Рабочие окраины маленького города

– Пива нет, – сообщила равнодушная продавщица.

– Давайте вермут. И два стаканчика, – Серый вынул деньги – И пачку сигарет.

Выбравшись из толпы страждущих, забывших магазин в честь выходных, мы отправились к старому кафе «Троянда», расположенному в глубине квартала.

Здесь, в тени кустов, на ступеньках некогда модного и молодёжного заведения, мы разлили хмельное по стаканчикам.

– За всё хорошее, – произнес Серый тост, и мы сдвинули посудины.

Вокруг было темно и пусто. В сером небе выделялись лишь трубы заброшенной «Ленинской краски», да ярко горели в домах позади кафе окна, напоминающие нам о неизбежности возврата к домашним очагам.

– Надоело мне всё, – признался я Серому, разливая вермут – Уеду от вас

– Куда? – испугался мой друг – Тебе что, тут плохо?

– Очень. Надоело топтаться на месте

– От добра добра не ищут, – резонно заметил Серый – И хорошо только там, где нас нет

Мы выпили по второй, но мир по-прежнему оставался серым и убогим. Из открытых окон соседних домов прилетали с горячим ветром обрывки ссор и детских криков. Вокруг «Троянды» царила заброшенная пустота – заброшенный магазин, заброшенный ларёк, и повсюду мусор вперемишку со стеклом битых бутылок.

Местные жители предпочитают отовариваться в «центре» – каких-нибудь пятнадцать минут ходьбы, и множество супермаркетов, магазинов и магазинчиков. Пятнадцать минут ходьбы, от квартала номер пятнадцать до центра, но разница в несколько десятков лет.

Здесь, на рабочих окраинах маленького города, нет ни приличного уличного освещения, ни спокойной жизни. И только для нас здесь удобные места, везде – поскольку наша доблестная полиция сюда старается не заглядывать.

– Я не вижу у нас никаких перспектив, – честно ответил я Серому – Ни вверх, ни вниз. И следует двигаться в сторону другой пристани

– Какой?

– Какой угодно, но только другой. На-до-ело, – и я осушил свою посудину до дна.

За прошедшие шесть лет работы я получил ровным счётом ничего. Номинальная зарплата, обещания белых воротничков о «светлом будущем» и регулярные обчёты со штрафами за любую оплошность. И, разумеется, идеальные условия работы – зимой в цеху холоднее, чем на улице, а летом в разы жарче.

– И куда собираешься? – мы выпили по третьей, и мир стал плоским и заиграл специфическими красками – Есть ли надежное место?

– Ничего нет. Поеду наугад, а на месте разберусь

– Опасно, – заметил Серый и закурил – Очень опасно

– Не опаснее, чем работать в нашем доблестном цеху.

Серый достал сигареты и закурил. Я копировал моряка, бредущего по палубе корабля в дикий шторм, и думал – насколько позволяли винные пары.

Стоянка моя уже слишком затянулась. Молодые люди упорно карабкаются по карьерной лестнице, собирая зарплаты и бонусы – а я? Куда иду и за чем стремлюсь? Ответ самый простой и самый болезненный: никуда и ни за чем!

Застрыв в родном цеху, я остановился и как человек, и как рабочий. Никакого полезного навыка, либо перспективы, а уж о деньгах стоит промолчать. В плане личного роста я получил пивной алкоголизм – занятие чертовски увлекательное и веселое, но вот денег оно не приносит. И даже наоборот.

Так я и тянул год за годом в серых тонах, без всякого движения. И тут вдруг надоело – просто надоело топтаться на месте. Начались поиски новой работы и нового города, которые увенчались посредственными успехами.

Но я всё же решился на переезд. Наугад выбрал город, так же выбрал и будущее место работы. И принялся собирать вещи.

– Идем за добавкой, – провозгласил Серый – И никаких разговоров

Мы отправились в центр, где в мини-маркете взяли по пол-литра светлого на брата. Свернули тут же во дворы, подальше от дорогой полиции, и нашли уютную скамеечку в тени старых каштанов.

Пиво плюс вермут равно опьянения. С пьяных глаз жаловались друг другу на идиотов-начальников, низкую зарплату и тяжелую жизнь.

– Ты прав, – соглашался мой друг – Пора бежать отсюда, – но было ясно, что никуда он не убежит и не уедет.

– Да, всегда есть варианты, – отвечал я, хотя вариантов было не так уже и много – Стоит только набраться смелости

Пиво быстро заканчивалось, тогда как наша смелость росла. Душа жаждала продолжения банкета, и мы прямо на лавочке составили очередную концессию, и отправились за настойкой.

Благородную амброзию распили во дворе за супермаркетом, орошив растущие рядом кустарники своими естественными выделениями. После настойки мир стал ярче, красивее, добрее и умнее – по крайней мере, на наш взгляд.

Ноги отказывались слушаться, но мы отважно брели в темноту узких переулочков, стараясь вести себя как можно тише. Рядом с одной из лавочек Серый не выдержал и рухнул, ощупывая свои карманы в поисках сигарет.

– И всё-таки, куда ты собрался? – в который раз допытывался он.

– Далеко и надолго, – отвечал я так же деликатно, не вдаваясь в подробности – Очень надолго

– Эмиграция вещь трудная, – изрек Серый – Очень трудная. Ты языка местного не знаешь, обычаев. Вдруг в бар «Голубая луна» попадешь? – и громко засмеялся, прикуривая от догорающей спички.

Определенный резон в его словах был. Движение в слепую всегда опасно, но еще опаснее стоять на месте, в глупой надежде на то, что всё изменится само собой. Движение – это жизнь, а застой лишь смерть, если не физическая, то моральная.

– Разберусь, – ответил я, поднимая упавшую пачку сигарет – Поверь, вдали от дома и друзей стоит проверить себя и понять, чего ты стоишь. А так...

– Последний герой, – криво улыбнулся Серый – Ну, это вопрос такой, очень спорный

– Логично. Но вдали от дома осознаешь себя совсем с другой стороны

Придя домой, я постоял под контрастным душем несколько минут, почистил зубы и рухнул в кровать. Мать уже спала, и никаких претензий в мой адрес не высказывала.

Утром субботы наступило похмелье. Не сильное, но очень противное, с привкусом сырой редиски во рту. В голове было пусто и звонко.

Я встал, и подошёл к окну. Вот любят наши постмодернистские творцы наворачивать целые вавилоны лжи и пустых красок вокруг банальных вещей. Буддизм, дзен, яркие образы – это всё глупо, и нет ничего лучше простых слов.

Вот мой двор. Старый, в три дома, на самой окраине небольшого городка, построенного вокруг двух некогда могучих заводов. Вот старые абрикосы и тополя, под которыми ходили на работу мои бабушки и дедушки. Полуразвалившиеся лавочки. Заросшая травой песочница. Неработающие фонари на высоких каменных столбах.

И вдали – лесополоса, отделяющая степь от города. Хрупкая черта между городом и дикой природой, созданная руками человека, во имя процветания и будущего.

– Ты уже встал? – громко спросила мать из кухни – Завтракать будешь?
– Буду, – я отправился в ванную и привел себя в относительный порядок.
Во время завтрака мать вдруг спросила:
– А куда делась твоя подруга? Надя?
Кусок жареного мяса застрял у меня в горле.
– Почему ты вспомнила о ней? – я потянулся к чашке с чаем – Надя давным-давно уехала, и даже не пишет
– Уехала из города?
– Из страны. И не вернется, это точно
Мать слегка приоткрыла рот, с трудом осознавая услышанное.
– И ты молчал?
– Меня никто особо не спрашивал – это раз. А два... – открывать карты было неприятно, но иного выбора не было – Мы расстались не на самой торжественной ноте
– Всегда у тебя так! – воскликнула мать – Ты не умеешь строить отношения. Двадцать пять лет, и не семьи, ни постоянной девушки
– Ты опять за своё?
– Не опять, а снова. И буду поднимать эту тему до победного конца
Бедная мама! Она и понятия не имела, какие драмы происходили в моей личной жизни. Выдавая на-гора лишь самые мягкие обрывки, я оставлял внутри все драмы и трагедии. Вот и сейчас, слушая очередные претензии по поводу «доброй девочки Нади с нежными глазами», я вспоминал вехи извращенной любви.

«Добрая девочка Надя», которая так понравилась маме, на поверку оказалась весьма циничным созданием. Выпотрошив мой кошелек до основания, Наденька принялась рассуждать о «настоящих мужчинах», и в один прекрасный момент я застал её в постели с таким вот «мужчиной».

Разумеется, водитель-дальнобойщик был с точки зрения Нади более достойным, чем я. Но закончилось всё не так, как это показывают в идиотских гламурных клипах – я выгнал её из нашей съемной квартиры, и плюнув на всё, вернулся к матери, списав всё на проблемы с оплатой жилья.

И пока шли рассуждения о «несостоявшейся семейной жизни», я тщательно пережевывал мясо. Иногда лучше молчать, чем говорить, и следуя этой простой истине мне удалось избежать множества проблем.

После завтрака я уселся за компьютер, несколько минут листал новостную ленту. Стало очень грустно, я оделся и оправился на улицу. С минимальной суммой денег в кармане иного развлечения, кроме дешевого пива, и быть не могло, и таким образом я с бутылочкой светлого завернул во двор.

Так-то и обустроена наша Ойкумена: узенькие дворы, тень деревьев. Здесь хорошо пить и играть в песочнице, вдали от любопытных глаз. Но большего эти дворы породить не могут – любое проявление высокого навыка будет встречено в штыки. Литература, живопись, наука порождают самые циничные вопросы.

Сколько получил? Сколько комнат в квартире? Женат? Замужем? Дача во сколько соток? А почему? А как? Есть машина? Почему нет? А зарплата? А почему так мало? Ты умный – значит, заработай. Нет денег, значит, дурак. Не спорь. Люди умные, жизнь прожили, знают лучше.

Что знают? Телевизор, кухню и вечные разговоры о деньгах? Но это не важно, «люди», которых ты ни разу в жизни не видел, знают лучше. Личная жизнь в дерьме, дети искалечены душевно и физически, нищета – но тебе, конкретно тебе, дают советы галактической важности и галактической же глупости. «Люди» боги, апостолы и спасители, правда, в дырявых носках и с перегаром.

И спасая на продавленном диване страну и мир, отважно и безкомпромистно, великие люди выносят великие решения, ставя клеймо абсолютно правильных решений. Дурак, зажавший, идиот, алкоголик – люди решили судьбу одного человека, вычеркнув его из стаи «скованных одной цепью».

Я допивал своё пиво, сидя на лавочке, когда подошёл один из наших местных «королей двора», Степанов, уже порядком спившийся и скурившийся субъект, оставшийся морально и духовно в возрасте шестнадцати лет.

– Ох ты, – Стёпа тяжёл рухнул рядом со мной – Пиво пьешь?

– Нет, амброзию олимпийских богов, – я допил пиво и выбросил бутылку в мусорный ящик – А ты что тут делаешь?

– А... деньги ищу. Кредит взял, чтобы погулять, теперь надо выплачивать

– И много?

– С процентами – выше моей крыши, – глухо рассмеялся Стёпа – Зато хорошо отдохнул.

Шашлыки, девочки, дорогая выпивка

Я посмотрел на Стёпу. Когда-то этот человек повзрослел раньше нас всех. Он пил пиво – прямо в школе – и курил, и посылал учителей в далекое и пешее эротическое путешествие. Ему завидовали, его боялись, но вот прошли годы, и рядом со мной сидит законченный алкоголик, чьи достижения можно описать простой фразой: «пил, бил, дебил».

– Работу бы нашел, – сказал я своему бывшему однокласснику и другу – И бросил пить

– Ты ставишь передо мной нереальные планы, – ответил достойный «отец семейства», умудрившийся оставить с детьми двух привлекательных девушек – Хотя алименты...

– Следует платить до того, как на твоём пороге возникнут судебные приставы, – закончил я – Иди работать

– За такие деньги, как платят у вас, работать не престижно. Вот бы в другом месте, – принялся мечтать Стёпа – И зарплаты везде намного выше

Тут он принялся мечтать о том, как будет много зарабатывать, и как потратит эти деньги. Я устал слушать, пожал ему для приличия лапу, и отправился в путь.

Избегая оживленных улиц, я брёл по дворам. Это о них пела в своё время Анжелика Варум:

Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок,

На нашу улицу в три дома, где всё просто и знакомо...

Вот наши «три дома», похожие друг на друга как две капли воды. Когда-то страна под алым стягом возводила эти типовые жилища исключительно как временные, исключительно до восьмидесятого года. А потом будет коммунизм, и все переедут в красивые и просторные дома.

Но в указанном году вместо коммунизма наступила Московская Олимпиада, а спустя десять лет пришёл дикий рынок, и красивые просторные дома так и остались в мечтах. Вместо светлого будущего наступило мрачное настоящее, а место строителей коммунизма заняли личности в спортивных костюмах.

И ностальгия по старым временам, когда всё было «для людей», заняла достаточно прочное место в нашей жизни. Но такое «бегство в прошлое» приводит лишь к бесконечному плачу и страданием – и ничего более на таком фундаменте не появится.

А настоящее далеко не радует: шагая по старым камням, уложенным ещё моим дедом на пути к старому рынку, я видел те же ямы на тех самых местах, что и в эпоху моего босоногого детства. По-прежнему не закрыт канализационный люк, и точно так же, как и много лет назад, не размечены переходы через дорогу.

На рынке я бесцельно бродил между торговыми рядами, разглядывая ценники. Денег в кармане не было, покупать я ничего не собирался, но сама толпа охлаждало нервы. Но память

услужливо подставляла воспоминания: вот первое место работы, вот тут я стоял в свое время с листовками, вот, вот и вот...

К чёрту! Я выбрался из торжища людского, и направился по улице вниз, к старой проходной «Ленинской краски». Тут сходились раньше все автобусные маршруты города, сюда же вела единственная трамвайная линия в нашем городе.

Теперь здесь, у старого здания в псевдоантичном стиле с колоннами, было пусто. Заросший травой отрезок трамвайной линии ясно демонстрировал победу природы над человеческим гением.

Я бесцельно шатался взад-вперед у входа, вспоминая о временах, когда эта проходная была центром притяжения для всех неформалов города. Много было выпито и выкурено, а еще больше высказано, и было великое множество споров. Любовь цвела тут же, в кустах, густо растущих по обе стороны ограды.

Сев на нагретые солнцем ступеньки, я принялся рассматривать окружающий мир. Старые цеха с выбитыми стеклами остались такими же, как и много лет назад, только наши граффити на стенах потускнели от времени и дождя. Надпись «Горшок жив!», выполненная яркими красками, была единственным мостом между днями былыми и днями грядущими.

На экране мобильного телефона время: 15:15. Считай, день прошёл впустую.

***

– Набирают тут по объявлениям, – ругался Серый, высыпая стружку в размалывательный агрегат – А я должен мучаться!

Тут на погрузчике подвезли очередную партию ящиков, доверху набитых стружкой. Серый только и плюнул со злости на транспортную ленту.

– Идиоты. За что вам только деньги платят? – проворчал он, подбирая очередной ящик – За такую работу вы еще сами и доплачивать должны

– Согласен, – я помог Серому сбросить стружку на ленту – Бракоделы как есть

Серый побежал следить за работой размалывателя, а я остался наедине с ящиками. Цех уже стоял, освещение погасили, и только мы вдвоем заканчивали работу с браком.

Оглядываясь на станки и агрегаты, разделенные секциями из разбитой и грязной фанеры, я понимал, в какую задницу угодил. Работа дала мне зарплату и социофобию: редкий человек, пришедший в серые стены, и столкнувшийся с причудами рабочего процесса, возлюбит ближнего как самого себя. Взрослые люди в спецовках временами ведут себя, как дети, и готовы из-за одной обиды чинить друг другу козни.

Общее дело здесь – пустой звук. Есть ты, есть он – парень за соседним станком, есть начальство, и каждый сам за себя. Все апелляции в сторону рабочей солидарности разбиваются о вполне понятный аргумент – зарплату. И если у Цоя в песнях его было деление на тех, кто сидит на трубах, и тех, кому нужны деньги, то у нас проще:

Есть те, у кого есть доплата. И те, у кого нет доплаты.

Люди с доплатой всегда заняты. У них семья, дети, пиво, любовницы. А мы – те, у кого нет доплаты – молодые, холостые, и голодные. Так мало, а вот уже два конкурирующих мира, созданных по старому римскому лекалу «Разделяй и властвуй!».

– Всё, дробилка снова забилась! – крикнул Серый – Посылай всех на ...й!

Проходивший мимо Смалиец, наш дорогой начальник и по совместительству главный черт в сером аду, задрал голову и зычно крикнул:

– Я тебе дам – посылай на ...й! Совсем обнаглели, идиоты! Давно штрафных талонов не получали!

Серый притих у себя наверху, а Смалиец кричал всё сильнее и сильнее:

– Набрали идиотов по объявлению, а я вынужден это терпеть! Идиоты! Кретины! Еще раз такое услышу – пойдете за ворота, все, скопом! – и кругленькое пузико ловко покатилося в сторону соседнего цеха.

Спустя пару минут неудачливый матершеник скатился вниз, с трудом переводя дух.

– Как его вовремя принесло! – проворчал Серый – Идиота... Ладно, всё, сейчас уберу и идём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.